

Пока ребенок спит: репертуар «нематеринских» практик российских матерей*

Анастасия Швецова

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Управления научных исследований,
Уральский государственный педагогический университет
Адрес: пр. Космонавтов, 26, Екатеринбург, 620017 Россия
E-mail: shvetsovaav@mail.ru

Ирина Симонова

Кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Управления научных исследований,
Уральский государственный педагогический университет
Адрес: пр. Космонавтов, 26, Екатеринбург, 620017 Россия
E-mail: luboe05@mail.ru

Статья является результатом исследовательского проекта, посвященного современным материнским практикам в фокусе профессиональной и личностной самореализации женщин. В качестве методологической основы изучения этих ранее неидентифицированных аспектов жизнедеятельности женщин, имеющих малолетних детей, авторы предлагают концепт «нематеринские» практики матерей», понимая его как устойчивые виды активностей женщины, реализуемых ею в широком диапазоне сфер общественной жизни, которые обусловлены и определены комплексной ситуацией ухода за детьми раннего возраста и соответствующими изменениями ее хронотопа, коммуникативных позиций и экономического положения, но не имеют непосредственного отношения к заботе о ее ребенке. На материалах комплексного исследования (изучение аккаунтов молодых матерей в социальных сетях, N = 720; материнских форумов, N = 22; онлайн-опрос, N = 471; серия глубинных интервью N = 20) продемонстрирован эмпирический потенциал предлагаемого концепта. Определен и систематизирован репертуар «нематеринских» практик, представлена их типология по следующим основаниям: формат реализации (офлайн, онлайн, смешанный), мотивация (самореализация, заработок, борьба с однообразием декретных будней, общение, снятие психологического напряжения), эффект (конструктивный, деструктивный, без выраженного эффекта), экономический статус (нейтральный, дотационный, инвестиционный, стихийный заработок, регулярный доход, коммерческий доход), профессиональная динамика (практики, соответствующие основной профессии; временные практики; транзитивные практики), сфера деятельности (образование, сопровождение матерей, творчество, волонтерство и социальный активизм, бьюти-сфера, крафтовое производство, растениеводство, спорт, недвижимость, туризм, саморазвитие, компьютерные технологии). Предлагаемая оптика позволяет комплексно подходить к исследованию механизмов адаптации матерей, анализу многослойности и эклектичности нормативных и фактических аспектов в реструктуризации их социальных статусов. Практический смысл ее применения заключается в возможности разворота системы социальной поддержки материнства от дотационной (поддержка материнства = социальные выплаты) к ресурсной (поддержка материнства = переформатирование социальной среды с учетом права женщины на субъектность и использования ее потенциала).

Ключевые слова: «нематеринские» практики матерей, гендер, материнство, родительство, женские исследования, гендерная социология, репродуктивное поведение

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные «нематеринские» практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск». <https://rscf.ru/project/22-28-00636>

Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство»

Современное материнство имеет качественные структурные и содержательные отличия от материнства предшествующих поколений. Этот трансформационный процесс продиктован формированием нового гендерного порядка, в ядре которого заложена идея достижения гендерного равноправия. Кроме того, имеет место влияние косвенных факторов (цифровизация, пандемия, военные и политические конфликты), вес и значение которых представляет собой серьезную задачу для научного сообщества как в методологическом, так и в методическом плане. Одной из ключевых особенностей современного материнства является усложнение жизненных сценариев женщин и вариативность репродуктивного поведения. На смену линейной модели «замужество — рождение детей — воспитание детей — воспитание внуков», характерной для традиционно-патриархатных обществ, пришли множественные сценарии, включающие профессиональное развитие, репродуктивное планирование, выбор стиля материнства, поиск возможностей совмещения различных функций. Проблематика баланса между семейными и другими социальными, в том числе профессиональными, ролями женщин набирает популярность в гендерных исследованиях по всему миру и в России.

Ввиду вышесказанного возникает потребность в разработке понятийного поля для решения прикладных задач, позволяющих описывать и анализировать новые форматы материнства, идентифицировать события и факты жизни современных женщин. Одним из таких понятий могут стать, на наш взгляд, «нематеринские» практики матерей», обнаруживающие многослойность первых лет материнства, когда от женщины требуется максимальная вовлеченность в жизнь ребенка и уход за ним. Происходит конфликт между сформированной у большинства женщин необходимостью в социальной и экономической активности и ограничением возможности ее реализации в привычной форме. Общество и социальная инфраструктура демонстрируют неготовность способствовать разрешению этого противоречия: общество — в силу отсутствия знаний о специфических потребностях матерей, инфраструктура — в силу отсутствия институциональных решений и понятных алгоритмов ее преобразования. Таким образом, систематизация и верификация научной информации о «нематеринских» практиках матерей» становится не только вопросом ликвидации пробела в гендерных данных, но и инструментом практических решений в области поддержки материнства.

Основываясь на теории социального конструирования гендера, предполагающей, что кажущиеся естественными аспекты женственности, по сути, являются способами интерпретации биологического, легитимными в данном обществе (Здравомыслова, Темкина, 1998), мы предлагаем определять феномен «нематеринских» практик молодых матерей как совокупность действий женщин в период ухода за детьми раннего возраста, направленных на удовлетворение социальных, экономических, психологических потребностей, возникающих вследствие отмены привычного и формирования нового ритма жизни и изменения ее содержания, аффилированного с материнством. По сути, это устойчивые виды активностей женщины, реализуемые ею в широком диапазоне сфер общественной жизни

(социальной, экономической, политической, духовной)¹, которые обусловлены и определены комплексной ситуацией ухода за детьми младенческого и раннего возраста и соответствующими изменениями хронотопа матери, ее коммуникативных позиций и экономического положения, но не имеют непосредственного отношения к процедурам заботы о ее ребенке. Базовой точкой является смена социального времени-пространства женщины, включающего коренные изменения не только ритмов жизни и физических локаций, но предполагающих смену конституирующих и властных дискурсов, ценностных и этических установок. Следует отметить, что эти изменения наступают в любом случае, независимо от уровня благополучия женщины и наличия у нее партнера и других помощников, а также от желания стать матерью и степени готовности к материнству. Несмотря на закономерность и «привычность» материнства, ценность опыта материнства, а также очевидную социальную значимость статуса современной матери, появление ребенка остается источником значительных изменений в жизни женщины как социальной единицы. Таким образом, можно рассматривать «нематеринские» практики в качестве адаптивных к специфическим условиям материнства.

Научный обзор и методологическая рамка. Актуальный научный дискурс о материнстве строится вокруг идеи совмещения профессиональных и семейных ролей (которая артикулируется через такие категории, как «типы занятости», «мир публичный и мир семьи», «жизненный баланс» и др.) и сопровождающих эти процессы внутренних трансформаций («адаптация к материнству», «послеродовая депрессия», «реформирование идентичности» и др.). Предлагаемый нами концепт «нематеринские» практики матерей» открывает возможность объединения этих категорий, расширения исследовательского горизонта (включения в аналитическое поле социальных, политических, духовных и иных активностей) и структурирования данных о жизни современных матерей.

Один из наиболее проработанных вопросов в области исследований материнства — это проблема занятости (отметим, что научный интерес пока не снимает его социальной остроты). В общем смысле материнская занятость может носить вынужденный или добровольный характер. Для бедных стран характерен первый тип, когда занятость матери является следствием нужды и демонстрирует низкий социально-экономический статус семьи (Rodgers, 2011). Во втором случае материнская занятость рассматривается как реализация права женщины на труд и экономическую самостоятельность (Бледнова, 2023). Это основание применимо на макро-, мезо- и микроуровнях. На макроуровне неоклассические экономические модели подчеркивают роль женского труда в экономическом росте, что подтверждается практикой (Cavalcanti, Tavares, 2016; Kazandjian, Kolovich, Kochhar, Newiak, 2019). Однако причинно-следственные связи между занятостью женщин

1. Существование этих сфер жизни отмечают в своих работах В. С. Барулин, С. Э. Крапивенский, П. В. Алексеев и др. В выделении их они руководствуются суждением К. Маркса, в котором он основными частями общества считал осуществляемую определенным способом производственную деятельность людей и социальный, политический и духовный процессы их жизни.

и экономическими показателями трудно эмпирически объяснить, поскольку имеет место целый спектр факторов: возможности рынка труда, образование, культурные и социальные переменные, другие скрытые факторы, которые изменяются одновременно с рождаемостью, образованием и участием в рабочей силе (Bandiera, Natraj, 2013). На мезоуровне исследуется неформальная занятость женщин как наиболее гибкий формат, позволяющий сочетать работу и материнство (Gammage, Joshi, Rodgers, 2022; Khambule, 2023). Вместе с тем неформальный сектор усиливает гендерное неравенство, оставляя матерей на карьерной периферии, и в целом ослабляет показатели экономического развития (рост производительности, объем инвестиций, взаимосвязь институтов рынка) (Тартаковская, 2019; Braunstein, Seguino, Altringer, 2021). На микроуровне анализу подвергаются репродуктивные истории женщин в контексте их профессиональных достижений (Gough, 2017; Oesch, Lipps, McDonald, 2017). В целом результаты международных исследований констатируют влияние инвестиций в здравоохранение, образование, институты рынка труда и социальную защиту на обеспечение условий материнской занятости, однако универсального рецепта создания сбалансированной политики в интересах женщин на сегодняшний день создать не удалось.

Российские исследования материнской занятости отражают болезненный национальный аспект гендерного неравенства — увеличение материнской нагрузки в условиях нехватки временных, экономических, социальных, психологических ресурсов. На основе данных опроса работающих женщин коллектив Уральского федерального университета под руководством профессора Анны Багировой выявил объективные и субъективные барьеры совмещения профессионального и родительского труда, к числу которых отнесены продолжительность рабочего дня, время его начала и окончания, стереотипы работодателей и коллег, не имеющих детей, ядро которых составляют представления о низкой профессиональной эффективности работников с детьми (Багирова, Бледнова, 2021). Вместе с тем есть мнение, что рассматривать удаленную работу как отличную возможность для женщин сочетать домашние дела и профессиональную реализацию неправомерно (Черных, 2022). Пандемия усугубила гендерное неравенство в распределении ролей между оплачиваемой работой и неоплачиваемой домашней, создав ситуацию «тройной» занятости для женщин: профессиональная, бытовая, интенсивное материнство (Исупова, 2018). Характерно, что интенсивное материнство относительно недавно стало рассматриваться как отдельный вид занятости. В большинстве случаев выполнение материнских задач попадало под зонтичное определение «неоплачиваемый домашний труд» наравне с выполнением бытовых функций и уходом за больными родственниками. Однако повышенное общественное требование к матерям обеспечить всестороннее развитие детей, делегирование школой значительного объема образовательных функций семье, усложнение детской логистики (в крупных городах дети посещают до 4–5 секций, что породило выражение «мама-такси»), страх общественного порицания и статуса «недостаточно хорошей мамы» являются достаточными основаниями для дифференциации это-

го вида занятости. Закономерным результатом «тройной занятости» выступает хроническая нехватка времени и перманентное состояние стресса, что ухудшает качество трудовой жизни.

Стоит обратить внимание на тот факт, что, несмотря на относительно высокую экономическую активность женщин в России, доля работающих женщин с детьми в возрасте до трех лет оценивается в 24% (против 59% в среднем для стран ОЭСР) (Калабахина, Кузнецова, 2022; Колесник, Пестова, Дониная, 2021). В официальной повестке факт предоставления российским женщинам отпуска по уходу за ребенком до трех лет определяется как исключительная привилегия и успех социальной политики, однако уязвимым аспектом такого отпуска остается вопрос его финансирования. Эмпирически подтверждено, что существует зависимость между продолжительностью декретного отпуска, карьерными возможностями и гендерным разрывом в заработной плате — этот эффект получил название «штраф за материнство» (Budig, England, 2001; Benard, Correll, 2010; Бирюкова, Макаренцева, 2017; Shen, 2022).

Особый вес для формирования «скелета» концепта имеют исследования психологического самочувствия матерей. Тема трансформации идентичности женщины в связи с рождением детей является социально-чувствительной. Данные о нарушениях психологического состояния матерей идут вразрез с доминирующим представлением о материнстве как исключительно позитивном и смыслообразующем событии, однако являются важными для социальной аналитики и прогнозирования (Holton, Fisher, Rowe, 2010). Можно встретить минимум четыре подхода к объяснению феномена послеродовой депрессии. Первый рассматривает это состояние как следствие эволюционного компромисса — неврологические изменения в материнском мозге во время беременности, которые помогают адаптироваться, но при этом имеют побочные эффекты (Brunton, Russell, 2008; Cardenas, Kujawa, Humphreys, 2019). Второй состоит в том, что послеродовая депрессия — это болезнь цивилизации (Dahan, 2023). Третий отводит решающее значение специфике родовой деятельности и осложнениям в родах (Dekel, Ein-Dor, Berman, 2019; Shen, 2022). Четвертый подход — психосоциальный — учитывает тяжелые жизненные события, приводящие к хроническому стрессу, качество отношений и поддержку со стороны партнера и матери (Yim, Stapleton, Guardino, Hahn-Holbrook, Schetter, 2015). Конфликт между ожидаемыми положительными эмоциями после родов и реальностью депрессивного настроения и тревоги, которые многие из них на самом деле испытывают, может выражаться также в послеродовой хандре, более легком нарушении настроения в течение первых 10 дней после родов (Dahan, 2023). Разнообразие подходов к объяснению послеродового психологического состояния женщин отражает реальное разнообразие жизненных ситуаций и предикторов его нарушений. На наш взгляд, целесообразно говорить отдельно о состояниях, которые должны корректироваться медицинскими методами (по МКБ-10 эти расстройства имеют коды F53.0 и F53.1), и состояниях, с которыми можно справиться самостоятельно. В последнем случае речь идет о реконструкции своего социаль-

ного пространства при помощи «нематеринских» практик — адаптированных к условиям материнства увлечений, профессиональных занятий, практик саморазвития.

Существует серьезный пробел в гендерных данных относительно жизнедеятельности матери вне ее материнских функций. Адаптация к материнству — многоуровневый процесс, связанный с восприятием и оценкой женщиной своих изменившихся социальных ролей. Ранние работы поверхностно определяли беременность как время переключения внимания женщины с публичного мира на локальный мир семьи, что помогает подготовиться к новой роли и переориентировать последующие жизненные планы (Smith, 1999). Однако актуальные исследования свидетельствуют о полноценном реформировании идентичности (Berger, Asaba, Fallahpour, Farias, 2022; Laney, Lewis, Anderson, Willingham, 2015), а следовательно, и практик, организующих жизненное пространство женщины. Концепт «нематеринские» практики матерей» обладает рядом возможностей, связанных с восполнением этого пробела. Методологический поворот к детальному анализу «нематеринских» активностей женщин в период первых лет ухода за детьми именно в качестве специфических практик позволяет избегать как крайностей психологического редукционизма, так и представлений об исключительной метаобусловленности материнского поведения биологическими, традиционными или институциональными факторами, а также подчеркивает их глубоко социальную природу. Это позволяет увидеть стратегический, а не плановый характер активностей женщин, лучше понять основы разнообразности репертуара и их суть: практики случаются, они процессуальны, переходы между ними нередко «бесшовны».

В фокусе внимания оказываются первые годы материнства (наиболее пристально — до трех лет, но и дошкольный возраст не обеспечивает матери полноценную пространственно-временную свободу, следовательно, сохраняется внешняя рамка для «нематеринских» практик), что позволяет принимать во внимание изменения идентичности женщины в качестве мотивационной основы ее деятельности. Иными словами, удастся увидеть разнообразие мотивов «нематеринских» активностей, уходя от фокусировки исключительно на факторах стресса (но учитывая их), обнаруживая стратегическую составляющую в желании женщины сохранять или усиливать позиции на «общем игровом поле» в новых для себя условиях, а не только в новом для нее пространстве материнских практик, где также существует иерархия и соревновательность, а требования высоки. Сохранение хороших социальных позиций, что очень важно, может быть достигнуто матерями не только в сфере профессиональной занятости. Помимо официальной работы в материнской среде существует широкий диапазон активностей (например, саморазвитие, волонтерство, экологический активизм, крафтовые производства и др.), которые нередко становятся основой для дальнейшего изменения экономического и социального положения матерей. В настоящее время упущены из вида родственная мотивационная основа трудовых и некоммерческих активностей женщин, смежный характер данных областей, сходность механики их реали-

зации, что приводит к недооценке потенциала и недостаточной поддержке таких активностей. «Нематеринские» практики позволяют увидеть цепочку «домашняя практика — неофициальная занятость — институциональная занятость», которая в действительности должна учитываться при работе над программами поддержки материнства.

Важно также, что обращение к данному концепту позволяет, с одной стороны, обнаруживать определенные институциональные, экономические и культурные контексты, представления о роли матери, традиции как факторы, которые определяют ее деятельность (через учет контекстов реализации практик), с другой стороны — видеть и систематизировать те самые уникальные формы женской деятельности, которые обусловлены локальными условиями, связанными с изменениями относительных позиций с окружением матери: с отцом ребенка (появление позиции зависимости, изменение его поведения, в том числе перераспределение функций в семье²), с другими домочадцами, изменения в отношениях с друзьями, коллегами, появление новых социальных связей. Последние также до настоящего времени были исключены из поля исследовательского интереса, в то время как именно «нематеринские» практики обладают колоссальным потенциалом к формированию новых коммуникативных каналов для молодых матерей, поскольку предполагают разделение и трансляцию опыта, побуждают мать вступать в общение с людьми со сходными интересами и потребностями.

Выделение «нематеринских» практик может быть произведено на основе следующих критериев:

1. Начало реализации практики в период ухода за ребенком в возрасте от 0 до 3 лет или кардинальные изменения порядков и форм практики, реализуемой до декрета в указанный период. Данный критерий установлен, во-первых, с опорой на классическую периодизацию возрастного развития детей Д. Б. Эльконина, где именно указанный возраст обозначен как период, характеризующийся наибольшей зависимостью ребенка от взрослого и требующий максимальной включенности родителей в заботу о нем (Эльконин, 1971), а также положением статьи 256 Трудового кодекса РФ, предусматривающей возможность предоставления отпуска по уходу за ребенком до достижения им именно трехлетнего возраста, что подчеркивает признание государством потребности изменения матерью привычных форм деятельности в связи с заботой о ребенке. Фактически «нематеринские» практики сохраняют свою структуру и после окончания декрета, поскольку породившие их условия остаются вплоть до обретения ребенком относительной самостоятельности (которая у одних наступает с переходом в начальную школу, а у других — еще позже).

2. Практика ориентирована на свою позиционную встроенность. Действие не направлено на уход за ребенком, но организуется с учетом условий необходимости и ценности заботы и воспитания.

2. Подробнее связь включенности отца в процессы ухода за ребенком и интенсивности нематеринских практик рассматривается в нашей работе: Симонова, Швецова, Кривошекова, 2023.

3. Относительная регулярность практики на протяжении указанного периода. Единичные активности не оказывают существенного влияния на жизнедеятельность матери в целом, часто носят случайный характер, тогда как нас интересуют потенциально транзитивные практики. Так, например, разовый просмотр видеолекции не является поводом говорить об ориентации на самообразование, в отличие от прохождения онлайн-курса.

4. Субъективная значимость (оценка практики женщиной и ее окружением может не совпадать. Например, ведение блога может расцениваться женщиной как потенциальный источник дохода и саморазвития, но члены семьи могут относиться к этому негативно).

Обнаружение многообразия социальных потребностей женщин в первые годы материнства, возможность показать, что они не исчерпываются выполнением функций матери при использовании «нематеринских» практик как исследовательской оптики, позволяет выходить и на конкретные административные и технические нужды женщин, что важно при работе в сфере поддержки материнства. Концепт выполняет своего рода гуманитарную миссию: говоря о «нематеринских» практиках, мы делаем акцент на сохранении матерями ориентации на поддержку и усиление статуса социальной агентности, адаптации прежде всего этой потребности к изменившимся условиям определенности возможностей материнскими задачами и ценностями, включая желание занять лучшие общественные позиции для обеспечения будущего ребенка, улучшение качества общественной жизни (ее инфраструктуры, экологичности и пр.). Мы подчеркиваем желание многих женщин сохранить право на себя, на свою жизнь, на определенные социальные позиции и возможности, формирование и удовлетворение амбиций.

Таким образом, предлагаемая оптика позволяет комплексно подходить к исследованию механизмов адаптации матерей и решению проблем ролевого баланса женщин в период первых лет материнства, что определило инструментарий для выделения репертуара и ключевых особенностей активностей матерей в фокусе форм свойственных для них социально-экономических отношений.

Логика и процедура исследования. Наше исследование направлено на восполнение указанного пробела в гендерных данных и частичное снятие вопросов о структуре и содержании «нематеринских» практик современных матерей. Мы последовательно осуществили ряд эмпирических процедур, сочетающих онлайн- и офлайн-методы. Использование онлайн-площадок на большинстве этапов сбора информации обусловлено тем, что в первые годы материнства возможность передвижения женщин ограничена потребностями ребенка и виртуальное общение становится наиболее доступным способом взаимодействия с внешним миром. Вместе с тем социально-чувствительные вопросы требуют личного контакта интервьюера и респондента, что было учтено при разработке дизайна исследования, который в окончательном варианте включил в себя:

1. Изучение аккаунтов молодых матерей³. Первым шагом были анализ и систематизация всех русскоязычных хештегов, размещенных в Instagram⁴ и относящихся к материнству (хештеги, созданные по принципу «мать — количество детей», «мать — пол ребенка», маркирующие многодетное или «особое» материнство, место жительства, вид деятельности, а также хештеги-шутки). Далее мы проанализировали аккаунты женщин, использующих указанные хештеги. В выборку попали 720 профилей русскоязычных женщин, содержащих сведения о наличии детей и информацию о «нематеринских» практиках (итоговые переменные: количество детей, количество постов, количество подписчиков, направленность практики; сбор данных — январь-февраль 2022 г.).
2. Сбор и анализ высказываний женщин в тематических сообществах в сети VK.com и на форумах для матерей. Ресурсы отбирались по релевантности (сообщество посвящено общению на тему материнства, размещаемый контент сфокусирован на проблемах матерей, воспитании детей, поддержке женщин с детьми). Анализу подвергались обсуждения к статьям в тематических рубриках по общим темам «Карьера», «Хобби», «Досуг», «Декрет», «Психология». Всего проанализированы материалы 22 сообществ, собрано 248 высказываний женщин-матерей о различных практиках, начатых ими в период ухода за детьми в возрасте до трех лет; проведен мануальный контент-анализ, высказывания промаркированы по 6 критериям (сфера реализации, сопровождение практики обучением, направленность на прибыль, транзитивность, рискогенность, социальная ориентация). Обработка данных, полученных на первых двух этапах, позволила эмпирически подтвердить существование феномена «нематеринских» практик и предварительно наметить основания для их классификации: формат реализации, мотивация, эффект, экономический статус, профессиональная динамика, сфера деятельности.
3. Онлайн-опрос женщин, имеющих детей дошкольного возраста (проведен на базе платформы onlinetestpad.com, N = 471, сбор анкет — апрель-май 2023 года, рекрутирование осуществлялось посредством размещения ссылки в социальной сети VK.com на личных страницах членов исследовательского коллектива, а также через рассылку по сети дошкольных образовательных учреждений Свердловской области⁵. Среди респонденток 33,76% имеют одного ребенка, 45,44% — двух детей, остальные трех и более). Основная цель онлайн-опроса состояла в уточнении и наполнении данными

3. Подробнее с процедурой и результатами можно ознакомиться в статье: Швецова, Симонова, Оболенская, Кривошекова, 2022.

4. Роскомнадзор внес Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией) в реестр запрещенных сайтов; социальная сеть прекратила работу на территории РФ с полуночи 14 марта 2022 г. Сбор данных происходил до указанного периода.

5. Авторы благодарят за помощь в сборе данных Департамент образования Администрации г. Екатеринбург и лично Елену Евгеньевну Гордееву.

сформированной ранее классификации, а также выявлении влияния «нематеринских» активностей на самоощущение женщин.

4. Для уточнения причин и логики реализации данных практик, а также для установления механики и ее обусловленности изменениями хронотопа женщины была проведена серия глубинных интервью с информантками с релевантными биографиями (N = 20, рекрутирование методом снежного кома, регион — Свердловская область, сбор данных — май-июнь 2023 года). Стратегия отбора респонденток среди рекомендованных кандидатур предполагала первичный анализ биографии женщины посредством обзора личных страниц и страниц проектов (при наличии) в социальных сетях, а также предварительную беседу. Выбор был сделан в пользу женщин из нормотипичных семей (женщина замужем или находилась в браке на момент ухода за ребенком), четко формулирующих суть своих «нематеринских» практик. Мы намеренно избегали обращения к случаям экстремального материнства (неблагополучная семья, критически низкий уровень жизни, несовершеннолетние матери, наличие детей с инвалидностью и пр.), чтобы исключить доминирование факторов, нехарактерных для стандартной ситуации материнства (это направление — вызов для наших дальнейших исследований). Все респондентки соответствовали следующему критерию: возраст единственного ребенка в диапазоне 2–7 лет, либо женщина переживает опыт материнства не впервые (в нашей выборке — от 2 до 4 детей, младший — до 7 лет, поскольку важно было увидеть, как реализация практики происходит в динамике, в том числе как практика и ее течение/результаты отрефлексируются информанткой).

В исследовании использовались только открытые данные (в частности, анализировались доступные без подписки аккаунты и форумы), участницы опроса и интервью были в полной мере информированы о целях исследования, фиксация результатов осуществлялась с согласия респондентов. Ниже будут представлены обобщенные результаты всех блоков, количественные данные приведены по п. 3.

Результаты

Классификация «нематеринских» практик — сложная исследовательская задача, если учесть разнообразие реальных женских судеб и жизненных ситуаций материнства. Как отмечалось выше, эмпирические данные собирались преимущественно в регионе проживания авторов (Свердловская область), что позволяет получить средний срез (экономически развитый, но не столичный регион с высоким уровнем образовательной и профессиональной активности женщин), но исключает специфику некоторых регионов России (Крайний Север, Кавказ). Мы отобрали ряд следующих оснований, которые не являются исчерпывающими, но, надеемся, послужат каркасом для дальнейшего приращения и содержательного наполнения.

1. Формат реализации. «Нематеринские» практики могут быть реализованы офлайн и онлайн, причем последний формат становится исключительно популярным благодаря доступности информационных ресурсов. Эту форму организации своих практик указали более 20% ответивших на вопрос «Где происходит Ваше интересное дело/увлечение?». В качестве вариантов «другое» были отмечены «храм», «фитнес-центр», «дача», «выезжаю на дом к заказчику» (единично). Также можно выделить смешанный формат, характерный для случаев, когда женщина рекламирует свой продукт/услугу в сетях, но сам процесс изготовления или реализации услуги происходит в реальности.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос
Где происходит Ваше интересное дело/увлечение?»

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Онлайн	109	21,29%
Дома	294	57,42%
Арендую отдельное помещение	27	5,27%
В коворкинге/в центре для предпринимателей и др.	9	1,76%
В местах, где собираются такие же, как я, любители	33	6,45%
Другое	40	7,81%

Исследования материнской активности в Интернете затрагивают разнообразные темы, включая создание бизнес-моделей (Куляскина, Тонких, 2019), цифровизацию материнства как способ репрезентации своего опыта (Van Cleef, 2020), поведенческие модели молодых матерей, родившихся в цифровую эпоху (Nagaman, et al., 2022), а также деструктивные практики (для примера, изучение популярного хештега #winemom (с англ. «винная мама»), обозначающего шуточный, но потенциально рискованный, способ «борьбы» с материнской скукой) (Harding, Whittingham, McGannon, 2021). Мы пытаемся встроить этот контекст в общую канву знаний о материнстве, показав, что цифровизация может рассматриваться как формат организации повседневных практик.

В ходе интервью женщины отмечали, что наличие Интернета стало для них «спасительным», поскольку сети становятся для молодой мамы источником информации о потенциальных практиках, позволяют получить или усовершенствовать свои навыки в ее реализации, а также являются одним из ведущих каналов продвижения продукции и услуг. Кроме того, отмечено, что обсуждения «нематеринских» практик сопровождаются общением на более широкие темы, частично восполняя тем самым возникающий коммуникативный вакуум: «У нас есть в группе, где я покупаю ткани, диалоги, мы там обсуждаем, как что шить, какие изделия... И общие какие-то темы тоже можем обсудить, просто о жизни, о детях...»

(ж., 34, шьет детскую одежду под заказ, 2 ребенка). Вместе с тем женщины отмечали, что тоска по «живому» общению сохраняется, существует запрос на поддержку форм такого общения, в том числе в профессиональном ключе: «У меня все онлайн, хорошо, конечно, что есть это... но скучаю по нормальному общению... Но трудно это, куда деть ребенка? Это же не разговор, не работа, когда они там бегают, дергают!» (ж., 31, СММ, 2 ребенка).

1. *Мотивация.* Классификация по этому основанию позволяет ответить на вопрос, почему женщины в период раннего материнства стремятся найти возможность для «нематеринских» занятий, учитывая дефицит времени, который они испытывают. Сопоставление ответов на вопрос о предпосылках «нематеринской» активности и ее результатах позволяет говорить о пяти ведущих мотивах: самореализация, заработок, борьба с однообразием декретных будней, общение, снятие психологического напряжения.

Большинство опрошенных (47,31%, табл. 2) начали свое увлечение потому, что это давало возможность для самореализации, четверть респонденток назвали самореализацию основным эффектом от «нематеринской» активности (табл. 3). Финансовый мотив — второй по значимости среди предпосылок (15,47%, табл. 2) и четвертый по эффектам (9,67%, табл. 3). Еще одним значимым мотивом является скука (15,02%, табл. 2), которая эффективно устраняется новыми занятиями (43,74%, табл. 3). Потребность в общении является важной для 8,52% опрошенных, примерно столько же (7,69%, табл. 3) отметили эффективность своих увлечений в решении этого запроса. Более 10% указали на пользу «нематеринских» практик в борьбе со стрессом. Среди вариантов «другое» отмечены отсутствие времени на занятия, стремление поменять свою жизнь, развитие ребенка.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Я начала свое увлечение/занятие потому, что: (продолжите утверждение)»

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Было скучно	67	15,02%
Это давало возможность общаться, познакомиться с новыми людьми	38	8,52%
Это давало возможность реализовать мой потенциал, попробовать себя в новом деле	211	47,31%
Это способ заработать	69	15,47%
Другое	61	13,68%

Интервью позволили выделить дополнительный мотивационный фактор — ориентацию на качественное изменение уровня жизни семьи, что связывается информантками с желанием обеспечить ребенка, а также создать лучшие условия для его воспитания (уделять больше времени, обеспечивать более квалифицированный уход и пр.), где не последнее место играет мысль о потенциальной оценке успехов матери со стороны детей в будущем: «Раньше же живешь одним днем, отры-

ваешься, ну есть работа и ладно, а теперь я понимаю, что у меня дети, надо стараться... хочу, чтобы у них жизнь была лучше, чем у меня» (ж., 36, изготавливает натуральную косметику, 2 ребенка).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Продолжите утверждение “Мое увлечение во время декрета позволило мне...”»

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Снять стресс	51	11,21%
Быть финансово независимой	44	9,67%
Найти новых друзей, общаться с людьми	35	7,69%
Реализовать себя	107	23,52%
Разнообразить декретные будни	199	43,74%
Другое	19	4,18%

В целом современные женщины, привыкшие к социальной активности и финансовой самостоятельности, испытывают дефицит времени на профессиональную и личностную реализацию в период материнства. В рамках интервью эта проблема озвучивалась так:

«Если раньше я работала сутки через сутки, то сейчас это 1–2 вызова в день, в вечернее время. Муж приходит с работы, и я уезжаю работать. Это очень, кстати, помогло не выгореть с ребенком. Это все равно смена. Но именно «для себя» времени совсем нет. Я всегда, если у меня свободное время появляется, иду не на ноготочки и не реснички, а иду работать. Всегда» (ж., 36 лет, ветеринар, 1 ребенок).

2. *Эффект.* В общем виде «нематеринские» практики могут иметь конструктивный, деструктивный эффект, или не иметь выраженного эффекта вовсе. Под конструктивным эффектом мы понимаем доход, личностную или профессиональную реализацию, снятие стресса, позитивные изменения жизненного сценария, преодоление чувства изоляции. К деструктивным эффектам могут быть отнесены финансовые риски, уязвимость перед мошенничеством (молодые мамы являются одной из наиболее виктимных групп населения), чувство вины перед ребенком за потраченное время, неоправданные надежды на результат, усталость и стресс, негативное отношение родственников к «нематеринским» занятиям (нарушены ролевые ожидания «правильного» материнства) (табл. 4).

3. *Экономический статус.* Данное основание позволяет рассматривать «нематеринские» практики с точки зрения их экономической целесообразности. Исходя из полученных данных, мы выделяем нейтральный (практика не предполагает ни затрат, ни доходов — например, медитация, самообразование, садоводство), дотационный (практика требует финансовых вложений, но не предусматривает выручки — занятия в спортзале, платное образование, некоторые занятия «для души»), инвестиционный (требует вложений, есть ожидание прибыли — фотографирование, бьюти-услуги на начальном этапе), стихийный заработок (разовые подработки — реализация крафтовых украше-

ний, выпечки, проектная работа), регулярный доход (реализуемая на постоянной основе профессиональная деятельность), коммерческий доход (предпринимательство и бизнес). В таблице 5 представлены распределения ответов на вопрос о финансовой эффективности «нематеринских» практик. Большинство женщин не ожидают дохода (30,09%) либо имеют незначительный доход (26,02%). Лишь 7,47% зарабатывают достаточно, чтобы содержать семью. Учитывая, что молодые мамы являются одной из наименее финансово защищенных категорий населения, можно констатировать слабость механизмов активизации их экономического потенциала.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Продолжите фразу “У меня были проблемы из-за моего увлечения, потому что...”»

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Столкнулась с мошенниками, нечестными людьми	8	1,37%
Вложила деньги и потеряла их	10	1,72%
Семья не разделяла моих интересов	43	7,38%
Испытывала стресс, усталость	72	12,35%
Отсутствовал ощутимый результат, прибыль	70	12,01%
Испытывала чувство вины перед ребенком	59	10,12%
Это пустая трата времени	16	2,74%
Проблем не было	279	47,86%
Другое	26	4,46%

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили финансовый эффект от Вашего увлечения?»

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Это приносит мне небольшой доход	115	26,02%
Это источник содержания семьи	33	7,47%
Я трачу на это средства	55	12,44%
Я планирую получать доход	44	9,95%
Я не трачу на это деньги, но и не зарабатываю на этом	62	14,03%
Это не предполагает дохода	133	30,09%

4. *Профессиональная динамика.* По этому основанию можно выделить виды практик, соответствующие основной профессии или додекретным занятиям, временные практики, возникшие на период декрета, транзитивные практики, приводящие к смене профессиональной траектории. В последнем случае материнство выступает как фактор переосмысления своего трудового пути, стимулируя достижение новых профессиональных статусов либо, наоборот, снижая профессиональную активность для высвобождения временных ресурсов на воспитание и уход (табл. 6).

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Как материнство повлияло на Вашу карьеру?»

Вариант ответа	Кол-во ответов	Процент
Полностью сменила сферу деятельности/профессию	145	30,79%
Сменила место работы, но работаю в той же сфере, что и до рождения ребенка	74	15,71%
После окончания декрета вышла на прежнюю работу	166	35,24%
Решила остаться домохозяйкой	48	10,19%
Другое	38	8,07%

Согласно нашим данным, почти треть женщин совершают профессиональную транзигцию. Это может объясняться ценностными и мотивационными изменениями личности в связи с рождением ребенка. Становясь мамой, женщина проходит своеобразную инициацию в новом статусе, что видоизменяет не только привычный ритм жизни, но и структуру социального взаимодействия, ролевые позиции, ощущение своего места в жизни (в бурдьевиостской методологии — габитус). Образно говоря, женщина «уходит в декрет» одним человеком, а возвращается из него — совсем другим. С другой стороны, мы имеем основания полагать, что внешние — институциональные — причины также побуждают женщин к совершению профессиональных транзигций. Условия труда в традиционных секторах экономики неудобны матерям — график работы, удаленность от дома и детских учреждений, давление со стороны руководства, потеря квалификации из-за перерыва в работе вынуждают женщин искать более гибкие варианты занятости (которые чаще всего являются и менее социально защищенными): «Я писала курсовые в свободное время, а также осуществила мечту — научилась работать с фотошопом. В итоге моя специальность врача улетела в трубу. А навыки, полученные во время декрета, меня обеспечивают и сейчас» (ж., форумчанка, возраст и количество детей — не известны).

5. *Сфера деятельности.* Это основание позволяет зафиксировать разнообразие «нематеринских» практик и вместе с тем оценить степень влияния гендерных установок и стереотипов на карьерные притязания молодых матерей. Анализ основных сфер реализации практик позволяет говорить, что большинство из них сосредоточены в традиционных феминных областях — образование, бьюти-сфера, крафтовое производство (одежда, украшения, выпечка, косметика, предметы интерьера, канцелярия), растениеводство. Бьюти-индустрия активно развивается в сторону частных кабинетов, стоимость услуг которых является значимым конкурентным преимуществом перед салонами. Относительно короткий срок обучения позволяет молодым матерям овладевать навыками ногтевого дизайна, перманентного макияжа, наращивания ресниц и исправления формы бровей. Респондентки сообщают, что не рассматривают возможность выхода данных практик на уровень бизнеса (открытие своего салона, регистрация ИП), поскольку высокий порог вхождения на рынок,

негибкий налоговый режим и нестабильность спроса (последствие пандемии) повышают риски неуспеха.

Желание вернуться в дороговую физическую форму и укрепить здоровье стимулирует спортивные и фитнес-практики. Среди наших респонденток оказались как те, кто занимается спортом для себя, так и профессиональные спортсменки, скорректировавшие свои карьерные траектории в связи с рождением детей. В качестве восстановительных практик можно особо отметить йогу и пилатес, сочетающие тренировку и возможность психологического расслабления. Спорт как профессиональная деятельность в послеродовой период фокусируется на ведении персональных и групповых программ, онлайн-тренировках.

Творческие практики включают в себя фотосъемку («Сначала я просто снимала своего ребенка...»), живопись, хореографию, вокал, публицистику. Среди наших респондентов оказалась многодетная мама, чья писательская карьера совпала с рождением третьего ребенка. Она утверждает, что именно материнство стало стимулом для написания первой книги, рассматривая способность к деторождению как источник вдохновения.

Популярной сферой является саморазвитие, причем содержательно речь может идти о практиках совершенно разного уровня — от получения ученой степени до курсов по нумерологии. Стоит отметить, что существуют государственные образовательные программы для молодых матерей⁶, однако их популярность невысока (качество рекламной кампании, необходимость сбора и очной подачи пакета документов, неудобный для матерей младенцев формат обучения).

Развитие онлайн-сервисов по продаже недвижимости и туристических услуг открыло эти нишу для женщин в декрете. Привлекательным направлением также является туристический блогинг, позволяющий совмещать путешествия и заработок (в допандемийный период особой популярностью пользовались блоги о «зимовках» с детьми — переезд в теплые страны на зиму и межсезонье). Среди онлайн-практик в сфере недвижимости можно выделить услуги дизайнера, а также блоги об «экопереездах» — из города в деревню, в экологически чистую местность, к морю.

Специфическая структура времени матери, завязанная на графике детского сна, заставляет ее искать практики заработка, которые могут выполняться индивидуально, без привязки к команде. Сфера компьютерных технологий становится идеальным вариантом для женщин, желающих заработать и обеспечить занятость, совместимую с материнством. Выявлены мамы, начавшие свою карьеру как непосредственно в сфере IT (разработчики, IT-рекрутеры, тестировщики), что встречается реже и рассматривается как мужская сфера, так и в области SEO, WEB-дизайна (в т.ч. сборки и обслуживания сайтов на конструкторах), СММ, востребована работа в дизайнерских и видеопрограммах.

6. Содействие занятости. Нацпроект «Демография». Официальный сайт https://xn--80aarpmpemc-chfmo7az3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya/sodeystvie_zanyatosti

Был выделен блок специфических практик, ориентированных на трансляцию и тиражирование приобретенных навыков решения стоящих перед матерями проблем, куда можно включить перинатальные практики, а также практики сопровождения детства и материнства. Так, популярно ведение консультаций и целых курсов по подготовке к родам, по грудному вскармливанию, детскому сну, услуги доулы (часто это интуитивное знание, основанное только на личном опыте. При всей рискогенности непрофессионального родовспоможения, эти услуги пользуются спросом, поскольку институализированная система сопровождения в родах и послеродовой период воспринимается женщинами как формальная, не заинтересованная в сохранении физического и ментального здоровья матери и ребенка). Женщины охотно делятся опытом и монетизируют его: развитие детей, организация их досуга, подбор одежды и аксессуаров, мебели, психологическая поддержка и даже магические обряды.

Изменение ценностных ориентаций молодых матерей повышает значимость социальных, гражданских, экологических инициатив. Среди наших респондентов были мамы-экологи, которые, оценив с новой позиции состояние окружающей среды, решили практиковать сортировку отходов, а затем изменить свою профессиональную траекторию и стать экологами; мамы-волонтеры, помогающие бездомным и больным людям; мамы-активисты, создающие проекты переустройства городской среды, так чтобы она была удобна для людей с колясками и без.

На основе полученных данных опроса и анализа социальных сетей мы разработали матрицу популярных «нематеринских» практик матерей с учетом формата активности (табл. 7).

Включение в понятийное поле гендерной социологии концепта «нематеринские» практики и их систематизация, безусловно, не являются исчерпывающим инструментом анализа новых форматов материнства, но позволяют актуализировать дискуссию о субъектности женщин в первые годы после рождения ребенка, идентифицировать и описать факты их жизни. Результаты эмпирического исследования наводят нас на размышление о том, что многие женщины интуитивно ощущают противоречивость требований к нормативному материнству и понимают природу этих противоречий, однако отсутствие общественной дискуссии, а в некотором смысле и интереса к проблемам матерей, заставляют их искать причины в себе, сомневаться в собственной пригодности к роли матери. Интенсификация родительской заботы, предписания к качеству родительского труда ведут преимущественно к увеличению нагрузки на матерей, вынужденных организовывать свою социальную и профессиональную активность по остаточному принципу. Согласно теории социального конструирования гендера, такое положение вещей, по сути, легитимировано, поскольку воспроизводится с молчаливого согласия общества и властных структур. Попытки балансирования различных видов нагрузок приводят к возникновению практик, направленных на удовлетворение социальных, экономических, психологических потребностей. Основная сложность изучения этих практик связана с их широкой вариативностью. На пер-

вый взгляд мы имеем дело с разрозненным набором случайных активностей, поскольку можем зафиксировать разницу мотивации, способов и форм организации, экономической целесообразности. Однако во всех случаях общим условием выступает смена социального времени-пространства женщины, включающего коренные изменения ритма жизни, физических локаций, ценностных и этических установок, а также потребность в адаптации к новому статусу.

Таблица 7. Матрица популярных «нематеринских» практик по сферам и форматам активности

Сфера деятельности	Формат		
	Офлайн	Онлайн	Смешанный
Образование	Репетиторство, частные уроки	Онлайн-курсы, образовательные аккаунты	Частные онлайн-уроки
Перинатальные практики, сопровождение материнства и детства	Консультации, медицинские процедуры (массаж, мануальная терапия)	Курсы по лактации, родам, ведение профильных блогов	Онлайн-консультации, услуги доулы
Творчество	Фотосъемка, публицистика, рисование, хореография, вокал	Ведение блогов, посвященных творчеству	Популяризация результатов своей творческой деятельности — книг, клипов, фотографий
Волонтерство и социальный активизм	Работа в приютах, экологических организациях, сортировка мусора	Экоблоггерство, блоги о помощи животным, детям, социально уязвимым гражданам	Совмещение деятельностного аспекта и блогосферы
Бьюти-сфера	Ногтевой сервис, парикмахерские услуги, макияж, наращивание ресниц, эпиляция, услуги стилиста	Онлайн-курсы по бьюти-процедурам, блоги о красоте	Онлайн-стилист
Крафтовое производство	Выпечка тортов и сладостей, пошив одежды, вязание, изготовление элементов декора, бижутерии	Блоги о кулинарии, шитье, декор	Аккаунты в поддержку собственного крафтового производства
Растениеводство	Выращивание растений	Блоги о растениях, курсы	Аккаунты о собственном опыте растениеводства, онлайн-продажи
Спорт	Детский спорт, йога	Блоги о спорте, спортивном питании, восстановлении после родов	Онлайн-тренировки

<i>Недвижимость</i>	Услуги риелтора, дизайн	Онлайн-риелтор, юридическое сопровождение сделок	Аккаунты в поддержку собственных услуг
<i>Туризм</i>	Организация и сопровождение туристических групп, групп с детьми	Туристические блоги	Продажа турпакетов
<i>Саморазвитие</i>	Получение образования, посещение образовательных и культурных мероприятий, спорт, йога, приобщение к религии	Онлайн-обучение	Смешанные образовательные и развивающие траектории
<i>Компьютерные технологии</i>	—	Прохождение обучения, обучение других, выполнение работ в IT, СММ, дизайн и др.	—

Заключение

Традиционная рамка нормативного материнства предполагает сосредоточение женщины в первые годы после рождения ребенка на выполнении уходовых и воспитательных практик, что институционально закреплено предоставлением трехлетнего «декретного» отпуска, которым в России за редким исключением пользуются преимущественно матери. Вместе с тем неизбежен внутренний диссонанс, возникающий вследствие отмены прежней механики жизни и потребности восстановить ее в том или ином варианте. Удовлетворение привычных социальных, экономических, психологических потребностей (отдых, общение, возможность уединения, профессиональная самореализация, финансовая самостоятельность, разноплановый досуг, путешествия и т. д.) требует серьезных усилий или исключается как таковое. «Нематеринские» практики выступают в качестве альтернативы поддержания привычного ритма жизни с учетом ситуации материнства. Как справедливо пишет Ирина Тартаковская, работа по сохранению габитуса связана с определенными трудностями, однако «верность себе» становится важным каркасом, защищающим от стресса и неопределенности.

Современное материнство представляет собой структурно сложный, нелинейный, поливариативный феномен, требующий расширения научных данных о жизнедеятельности молодых матерей за границы диады «мать-ребенок». Становясь матерью, женщина временно лишается ряда психологически и экономически важных статусов, что дестабилизирует и влияет на жизненные планы. Адаптируясь к новым обстоятельствам, молодые мамы испытывают состояние, которое в научной литературе описывается терминами «балансирование»

и «жонглирование» — попытка сочетать статус «хорошей» матери и профессиональную идентичность, что в эмоциональном плане имеет эффект «американских горок». «Нематеринские» практики выступают элементом стабилизации, «мостиком» между социальной изолированностью первых лет материнства и привычной жизнью. Некоторые из этих практик можно назвать занятиями «для себя», другие имеют экономический эффект. Основной проблемой измерения участия женщин в период декретного отпуска в экономических процессах остается риск ошибочных заключений, поскольку их деятельность статистически не учитывается и недооценивается (Gammage, Sultana, Glinski, 2020). Второе ограничение — объединение опыта различных групп женщин в одно целое, которое не соответствует реальной картине для всего населения. Эта статья является частью исследовательского проекта, направленного на восполнение гендерных данных о субъектности матери, получение знаний о реальных ситуациях и проблемах, с которыми сталкиваются женщины в период декрета. На основе комплексного исследования, включающего анализ аккаунтов в социальных сетях, изучение дискурсов женских форумов, опрос и серию глубинных интервью, мы выделили следующие основания для классификации «нематеринских» практик: формат реализации (офлайн, онлайн, смешанный), мотивация (самореализация, заработок, борьба с однообразием декретных будней, общение, снятие психологического напряжения), эффект (конструктивный, деструктивный без выраженного эффекта), экономический статус (нейтральный, дотационный, инвестиционный, стихийный заработок, регулярный доход, коммерческий доход), профессиональная динамика (практики, соответствующие основной профессии или додекретным занятиям; временные практики, возникшие на период декрета; транзитивные практики, приводящие к смене профессиональной траектории), сфера деятельности (образование, перинатальные практики, творчество, волонтерство и социальный активизм, бьюти-сфера, крафтовое производство, растениеводство, спорт, недвижимость, туризм, саморазвитие, компьютерные технологии). Мы надеемся, что разрабатываемый нами концепт «нематеринских» практик станет полезным инструментом для исследования жизни современных российских женщин и оптимизации практических алгоритмов социальной поддержки материнства.

Литература

- Багирова А. П., Бледнова Н. Д. (2021). Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры // *Женщина в российском обществе*. № 0. С. 150-167.
- Бирюкова С. С., Макаренцева А. О. (2017). Оценки «штрафа за материнство» в России // *Население и экономика*. Т. 1. № 1. С. 50-70.
- Бледнова Н. Д. (2023). Родительский отпуск в системе социально-экономических процессов: теоретический обзор // *Народонаселение*. Т. 26. № 1. С. 70-82.

- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. (1998). Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. № 3-4. С. 171-182.
- Исупова О. Г. (2018). Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 3. С. 180-189.
- Калабихина И. Е., Кузнецова П. О. (2022). Кому (не) нужен трехлетний отпуск по уходу за ребенком? // Демографическое обозрение. Т. 9. № 3. С. 24-43.
- Колесник Д. П., Пестова А. А., Донина А. Г. (2021). Что (же) делать с занятостью женщин с детьми в России? Роль дошкольных образовательных учреждений // Вопросы экономики. № 12. С. 94-117.
- Куляскина Д. А., Тонких Н. В. (2019). Женщины в интернет-бизнесе: онлайн-опрос работающих матерей // Достойный труд — основа стабильного общества. Материалы XI Международной научно-практической конференции. С. 51-54.
- Симонова И. А., Швецова А. В., Кривощёкова М. С. (2023). «Как за каменной стеной»: вовлеченное отцовство в контексте возможностей материнской самореализации // Социальные и гуманитарные знания. Т. 9. № 1. С. 102-113.
- Тартаковская И. Н. (2019). Баланс жизни и труда precarious работников: гендерные аспекты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 163-178.
- Тартаковская И. Н. (2022). Изменение практик в ситуации пандемии: стратегии совладания с кризисом // Мир России. Т. 31. № 3. С. 96-114.
- Черных Е. А. (2022). Интенсивное материнство и удаленная занятость женщин — как совместить несовместимое? // Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни. Материалы Международной научно-практической конференции V Римашевские чтения (Москва, 29 марта 2022 г.) / Отв. ред. В. В. Локосов, В. Г. Доброхлеб, М. В. Беликова; ФНИС. РАН. М.: ФНИС. РАН. С. 272-276.
- Швецова А. В., Симонова И. А., Оболенская А. Г., Кривощёкова М. С. (2022). Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска // Экономическая социология. Т. 23. № 4. С. 12-36.
- Эльконин Д. Б. (1971). К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. № 4. С. 6-20.
- Bandiera O., Natraj A. (2013). Does Gender Inequality Hinder Development and Economic Growth? Evidence and Policy Implications // The World Bank Research Observer. Vol. 28. № 1. P. 2-21.
- Benard S, Correll S. J. (2010). Normative discrimination and the motherhood penalty // Gender and Society. Vol. 24. №5. P. 616-646.
- Berger M., Asaba E., Fallahpour M. Farias L. (2022). The sociocultural shaping of mothers' doing, being, becoming and belonging after returning to work. Journal of Occupational Science. Vol. 29. № 1. P. 7-20.
- Braunstein E., Seguino S., Altringer L. (2021). Estimating the Role of Social Reproduction in Economic Growth // International Journal of Political Economy. Vol. 50. №2. P. 143-164.

- Budig M. J., England P.* (2001). The Wage Penalty for Motherhood // *American Sociological Review*. Vol. 66. №2. P. 204–225.
- Brunton P., Russell J.* (2008). The expectant brain: adapting for motherhood // *Nature Reviews Neuroscience*. № 9. P. 11–25.
- Cardenas E. F., Kujawa A., Humphreys K. L.* (2019). Neurobiological changes during the peripartum period: implications for health and behavior // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. Vol. 15. №. 10. P. 1097–1110.
- Cavalcanti T., Tavares J.* (2016). The Output Cost of Gender Discrimination: A Model-based Macroeconomics Estimate // *The Economic Journal*. Vol. 126. P. 109–134.
- Chen H.H., Lai J. C.Y., Hwang S. J., Huang N., Chou Y. J., Chien L. Y.* (2017). Understanding the relationship between cesarean birth and stress, anxiety, and depression after childbirth: a nationwide cohort study // *Birth*. Vol. 44. №4. P. 369–376.
- Dahan O.* (2023). The case of poor postpartum mental health: a consequence of an evolutionary mismatch — not of an evolutionary trade-off // *Biology and Philosophy*. № 38.
- Dekel S., Ein-Dor T., Berman Z. et al.* (2019). Delivery mode is associated with maternal mental health following childbirth // *Archives of Women's Mental Health*. №. 22. P. 817–824.
- Gammage S., Joshi S., Rodgers Y.* (2022). The Intersections of Women's Economic and Reproductive Empowerment // *Feminist Economics*. Vol. 26. № 1. P.1-22.
- Gammage S., Sultana N., Glinski A.* (2020). Reducing Vulnerable Employment: Is there a Role for Reproductive Health, Social Protection, and Labor Market Policy? // *Feminist Economics*. Vol. 26. №1. P. 121-153.
- Gough M.* (2017). Birth spacing, human capital, and the motherhood penalty at midlife in the United States // *Demographic Research*. Vol. 37. P. 363-416.
- Hagaman A., Lopez Mercado D., Poudyal A., Bemme D., Boone C., van Heerden A., et al.* (2022). “Now, I have my baby so I don't go anywhere”: A mixed method approach to the ‘everyday’ and young motherhood integrating qualitative interviews and passive digital data from mobile devices // *PLoS ONE*. Vol. 17. №7: e0269443.
- Harding K. D., Whittingham L., McGannon K. R.* (2021). ‘#sendwine: An Analysis of Motherhood, Alcohol Use and #winemom Culture on Instagram’ // *Substance Abuse: Research and Treatment*. Vol. 15.
- Holton S., Fisher J., Rowe H.* (2010). ‘Motherhood: Is it good for women's mental health?’ // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. Vol. 28. № 3. P. 223-239.
- Kazandjian R., Kolovich L., Kochhar K., Newiak M.* (2019). Gender Equality and Economic Diversification // *Social Sciences*. Vol. 8. №4. P. 118.
- Khambule I.* (2023). A multidimensional and intersectional analysis of COVID-19 on women in the informal economy in South Africa / COVID-19 and women's intersectionalities in Africa. Pretoria University Law Press. P. 281-302.
- Laney E. K., Lewis Hall M. E., Anderson T. L., Willingham M. M.* (2015). Becoming a Mother: The Influence of Motherhood on Women's Identity Development // *Identity*. Vol. 15. №2. P. 126-145.

- Oesch D., Lipp. O., McDonald P.* (2017). The wage penalty for motherhood: Evidence on discrimination from panel data and a survey experiment for Switzerland // *Demographic Research*. Vol. 37. P. 1793–1824
- Rodgers Y.* (2011). *Maternal Employment and Child Health. Global Issues and Policy Solutions*. Edvard Elgar Publishing.
- Shen C.* (2022). Widening inequality: The evolution of the motherhood penalty in China (1989–2015) // *Chinese Journal of Sociology*. Vol. 8. №4. P. 499–533.
- Smith J. A.* (1999). Identity development during the transition to motherhood: An interpretative phenomenological analysis // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. Vol. 17. №3. P. 281–299.
- Van Cleef K. M.* (2020). The Pleasure of Connectivity: Media, Motherhood, and the Digital Maternal Gaze // *Communication, Culture and Critique*. Vol. 13. №. 1. P. 36–53.
- Yim I. S., Stapleton L. R. T., Guardino C. M., Hahn-Holbrook J., Schetter C. D.* (2015). Biological and psychosocial predictors of postpartum depression: systematic review and call for integration // *Annual Review of Clinical Psychology*. Vol. 11. №1. P. 99–137.

While the Child Sleeps: the Repertoire of "Non-maternal" Practices of Russian Mothers

Anastasia Shvetsova

Candidate of Science (Sociology), Senior Researcher, Ural State Pedagogical University
Address: 26, Cosmonauts str., Yekaterinburg, 620017, Russian Federation
E-mail: shvetsovaav@mail.ru

Irina Simonova

Candidate of Science (Social Philosophy), Researcher, Ural State Pedagogical University.
Address: 26, Cosmonauts str., Yekaterinburg, 620017, Russian Federation
E-mail: luboe05@mail.ru

The article is part of a research project dedicated to modern maternal practices in the focus of women's professional and personal self-realization. As a methodological basis for studying these previously unidentified aspects of the life of women on parental leave, the authors propose the concept of "non-maternal" practices of mothers, understanding it as stable types of a woman's activities which she implements in a wide range of areas of public life, which are determined by the complex situation of caring for young children and the corresponding changes in her chronotope, communicative positions and economic situation, but are not directly related to caring for her child. Based on the materials of a comprehensive study (a study of young mothers' accounts in social networks, N=720; 22 motherhood forums; an online survey, N=471; a series of in-depth interviews N=20), the empirical potential of the proposed concept was demonstrated. The repertoire of "non-maternal" practices has also been defined and systematized, and their typology is presented. In particular, the following grounds for the classification of "non-maternity" practices are identified: implementation format (offline, online, mixed), motivation (self-realization, earnings, combating the monotony of maternity days, communication, relieving psychological stress), effect (constructive, destructive, without a pronounced effect), economic status (neutral, subsidized, investment, spontaneous earnings, regular income, commercial income), professional dynamics (practices corresponding to the main profession or pre-maternity employment; temporary practices that developed during maternity leave; transitive practices leading to a change in professional trajectory), field of activity (education, support for mothers, creativity and the arts,

volunteering and social activism, beauty industry, crafts, crop production, sports, real estate, tourism, self-development, computer technology). The proposed optics allow a comprehensive approach to the study of mother's mechanisms of adaptation, and an analysis of the multi-layered and eclectic nature of normative and factual aspects in the restructuring of their social statuses. The practical meaning of their application lies in the possibility of turning the system of social support for motherhood from subsidized (support for motherhood = social payments) to resource (support for motherhood = reformatting the social environment, taking into account women's right to subjectivity).

Keywords: "non-maternal" practices of mothers; gender; motherhood; parenting; women's studies; gender sociology; reproductive behavior.

References

- Bagirova A. P., Blednova N. D. (2021) Sovmeshhenie professional'nogo i roditel'skogo truda v ocenках ural'skih zhenshhin: obektivnye i subektivnye bar'ery [Combination of professional and parental work in the assessments of Ural women: objective and subjective barriers]. *Woman in Russian Society*, no 0, pp. 150-167. (In Russian)
- Bandiera O., Natraj A. (2013) Does Gender Inequality Hinder Development and Economic Growth? *Evidence and Policy Implications*, *The World Bank Research Observer*, vol. 28, no 1, pp. 2-21.
- Benard S., Correll S. J. (2010) Normative discrimination and the motherhood penalty. *Gender and Society*, vol. 24, no 5, pp. 616-646.
- Berger M., Asaba E., Fallahpour M., Farias L. (2022) The sociocultural shaping of mothers' doing, being, becoming and belonging after returning to work. *Journal of Occupational Science*, vol. 29, no 1, pp. 7-20.
- Biryukova S., Makarentseva A. (2017) Ocenki «shtrafa za materinstvo» v Rossii [Estimates of the motherhood penalty in Russia]. *Population and Economics*, no 1(1), pp. 50-70. (In Russian)
- Blednova N. D. (2023) Roditel'skij otpusk v sisteme social'no-jekonomicheskikh processov: teoreticheskij obzor [Parental leave in the system of socio-economic processes: a theoretical review]. *Population*, vol. 26, no 1, pp. 70-82. (In Russian)
- Braunstein E., Seguino S., Altringer L. (2021) Estimating the Role of Social Reproduction in Economic Growth. *International Journal of Political Economy*, vol. 50, no 2, pp. 143-164.
- Brunton P., Russell J. (2008) The expectant brain: adapting for motherhood. *Nature Reviews Neuroscience*, no 9, pp. 11-25.
- Budig M. J., England P. (2001) The Wage Penalty for Motherhood. *American Sociological Review*, vol. 66, no 2, pp. 204-225.
- Cardenas E. F., Kujawa A., Humphreys K. L. (2019) Neurobiological changes during the peripartum period: implications for health and behavior. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, vol. 15, no 10, pp. 1097-1110.
- Cavalcanti T., Tavares J. (2016) The Output Cost of Gender Discrimination: A Model-based Macroeconomics Estimate. *The Economic Journal*, vol. 126, pp. 109-134.

- Chen H. H., Lai J. C. Y., Hwang S. J., Huang N., Chou Y. J., Chien L. Y. (2017) Understanding the relationship between cesarean birth and stress, anxiety, and depression after childbirth: a nationwide cohort study. *Birth*, vol. 44, no 4, pp. 369–376.
- Chernyh E. A. (2022) Intensivnoe materinstvo i udalennaja zanjatost' zhenshhin — kak sovmetit' nesovmestimoe? [Intensive motherhood and remote employment of women — how to combine the incompatible?] *Sberezhenie naselenija Rossii: zdorov'e, zanjatost', uroven' ikachestvozhizni* [Saving the population of Russia: health, employment, level and quality of life] (eds. V. V. Lokosov, V. G. Dobrokhleb, M. V. Belikova), Moscow: FCTAS RAS, pp. 272-276. (In Russian)
- Dahan O. (2023) The case of poor postpartum mental health: a consequence of an evolutionary mismatch — not of an evolutionary trade-off. *Biology and Philosophy*, no 38.
- Dekel S., Ein-Dor T., Berman Z. et al. (2019) Delivery mode is associated with maternal mental health following childbirth. *Archives of Women's Mental Health*, no 22, pp. 817–824.
- Elkonin D. B. (1971) On the problem of periodization of mental development in childhood. *Voprosy Psichologii*, no 4, pp. 6-20. (In Russian)
- Gammage S., Joshi S., Rodgers Y. (2022) The Intersections of Women's Economic and Reproductive Empowerment. *Feminist Economics*, vol. 26, no 1, pp. 1-22.
- Gammage S., Sultana N., Glinski A. (2020) Reducing Vulnerable Employment: Is there a Role for Reproductive Health, Social Protection, and Labor Market Policy? *Feminist Economics*, vol. 26, no 1, pp. 121-153.
- Gough M. (2017) Birth spacing, human capital, and the motherhood penalty at midlife in the United States. *Demographic Research*, vol. 37, pp. 363-416.
- Hagaman A., Lopez Mercado D., Poudyal A., Bemme D., Boone C., van Heerden A., et al. (2022) “Now, I have my baby so I don't go anywhere”: A mixed method approach to the ‘everyday’ and young motherhood integrating qualitative interviews and passive digital data from mobile devices. *PlosOne*, vol. 17, no 7: e0269443.
- Harding K. D., Whittingham L., McGannon K. R. (2021) #sendwine: An Analysis of Motherhood, Alcohol Use and #winemom Culture on Instagram. *Substance Abuse: Research and Treatment*, vol. 15.
- Holton S., Fisher J., Rowe H. (2010) ‘Motherhood: Is it good for women's mental health?’ *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, vol. 28, no 3, pp. 223 — 239.
- Isupova O. G. (2018) Intensivnoe materinstvo v Rossii: materi, docheri i synov'ya v shkol'nom vzroslenii [Intensive motherhood in Russia: mothers, daughters and sons in school growing up]. *An inviolable reserve. Debates on politics and culture*, no 3, pp. 180-189. (In Russian)
- Kalabihina I. E., Kuznecova P. O. (2022) Komu (ne) nuzhentrehletnijotpusk po uhodu za rebenkom? [Who (doesn't) need three years of parental leave?]. *Demographic Review*, vol. 9, no 3, pp. 24-43. (In Russian)
- Kazandjian R., Kolovich L., Kochhar K., Newiak M. (2019) Gender Equality and Economic Diversification. *Social Sciences*, vol. 8, no 4, pp. 118.

- Khambule I. (2023) A multidimensional and intersectional analysis of COVID-19 on women in the informal economy in South Africa. *COVID-19 and women's intersectionalities in Africa*, Pretoria University Law Press, pp. 281-302.
- Kolesnik D. P., Pestova A. A., Donina A. G. (2021) Chto (zhe) delat' s zanjatost'ju zhenshin s det'mi v Rossii? Rol' doshkol'nyh obrazovatel'nyh uchrezhdenij [What (same) to do with the employment of women with children in Russia? The role of preschool educational institutions]. *Questions of Economics*, no 12, pp. 94-117. (In Russian)
- Kuljaskina D. A., Tonkih N. V. (2019) Zhenshhiny v internet-biznese: onlajn-opros rabotajushhih materej [Women in Internet Business: An Online Survey of Working Mothers]. *Dostojnyj trud — osnova stabil'nogo obshhestva. Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Decent work is the foundation of a stable society. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference], pp. 51-54. (In Russian)
- Laney E. K., Lewis Hall M. E., Anderson T. L., Willingham M. M. (2015) Becoming a Mother: The Influence of Motherhood on Women's Identity Development. *Identity*, vol. 15, no 2, pp. 126-145.
- Oesch D., Lipp. O., McDonald P. (2017) The wage penalty for motherhood: Evidence on discrimination from panel data and a survey experiment for Switzerland. *Demographic Research*, vol. 37, pp. 1793-1824
- Rodgers Y. (2011) Maternal Employment and Child Health. *Global Issues and Policy Solutions*, Edvard Elgar Publishing.
- Simonova I. A., Shvetsova A. V., Krivoshchekova M. S. (2023) «Kak za kamennoy stenoy»: vovlechennoye ottsovstvo v kontekste vozmozhnostey materinskoy samorealizatsii [“Like behind a stone wall”: involved fatherhood in the context of maternal self-realization opportunities]. *Social and humanitarian knowledge*, vol. 9, no 1, pp. 102-113. (In Russian)
- Shen C. (2022) Widening inequality: The evolution of the motherhood penalty in China (1989–2015). *Chinese Journal of Sociology*, vol. 8, no 4, pp. 499–533.
- Shvetsova A. V., Simonova I. A., Obolenskaya A. G., Krivoshchekova M. S. (2022) Onlajn-praktiki ekonomicheskogo povedeniya rossiyskikh zhenshchin v period dekret-nogo otpuska [Online practices of economic behavior of Russian women during maternity leave]. *Economic Sociology*, vol. 23, no 4, pp. 12-36. (In Russian)
- Smith J. A. (1999) Identity development during the transition to motherhood: An interpretative phenomenological analysis. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, vol. 17, no 3, pp. 281-299.
- Tartakovskaja I. N. (2019) Balans zhizni i truda prekarnykh rabotnikov: gendernye aspekty [The balance of life and work of precarious workers: gender aspects]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 3, pp. 163—178. (In Russian)
- Tartakovskaya I. N. (2022) Izmenenie praktik v situacii pandemii: strategii sovladaniya s krizisom [Changing practices in a pandemic situation: strategies for coping with the crisis]. *Universe of Russia*, vol. 31, no 3, pp. 96-114. (In Russian)
- Van Cleef K. M. (2020) The Pleasure of Connectivity: Media, Motherhood, and the Digital Maternal Gaze, *Communication, Culture and Critique*, vol. 13, no 1, pp. 36–53.

- Yim I. S., Stapleton L. R. T., Guardino C. M., Hahn-Holbrook J., Schetter C. D. (2015) Biological and psychosocial predictors of postpartum depression: systematic review and call for integration. *Annual Review of Clinical Psychology*, vol. 11, no 1, pp. 99-137.
- Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (1998) Social'noe konstruirovaniye gendera [Social'noe konstruirovaniye gendera]. *Sociological journal*, no 3-4, pp. 171-182. (In Russian)